

Раздел I
**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ СУЩНОСТЬ КОГНИТИВНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ:
МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОДЫ**

Алефиренко Н. Ф., Аглеев И. А.
КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА И ФРАЗЕМОСЕМИОЗИС*

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
alefirenko@bsu.edu.ru

Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет
z.agleeva@yandex.ru

Традиционно метафоричность рассматривалась как словесное свойство. Однако метафора как феномен сознания проявляется не только в языке, но и в действенно-практическом мышлении, формирующем фразеопорождающие концепты – базовые элементы обыденного сознания. По определению Дж. Лакоффа и Дж. Джонсона, «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» (Лакофф, Джонсон, 2004: 25). Если словесная метафора отражает лишь акт номинации, то когнитивная метафора позволяет новую мысль представлять через другую, более известную. Иными словами, это способ думать об одной объекте посредством образа другого, уже освоенного человеком. По мнению Х. Ортега-и-Гассета, метафоризация – практически единственный способ опредметить абстрактное представление, сделать отвлеченное зримым (Ортега-и-Гассет, 1991: 243). «Мы уподобляем абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо для нас это единственный способ познать их и ознакомить с ними других. [...] метафора – это не что иное, как сравнение, в котором разум под влиянием тенденции сблизжать абстрактное понятие и конкретный предмет сочетает их в одном слове» (Балли, 1961: 89).

На эвристический потенциал метафорического мышления обращали внимание Д. Вико, Ф. Ницше, А. Ричардс, М. Бирдсли, Х. Ортега-и-Гассет, Э. МакКормак, П. Рикер, Э. Кассирер, М. Блэк, М. Эрикссон и другие исследователи (работы многих из них представлены в сборнике «Теория метафоры» (1990)). Метафоре принадлежит ведущая роль в формировании когнитивной системы человека вообще. Ведь человек даже на уровне подсознания способен проецировать одно явление на другое. Происходит это потому, что наш опыт организуется с помощью некоего стереотипного образа – когнитивной модели, которая в языке объективируется в виде метафоры, метонимии или бленда¹.

Стереотипные образы-бленды возникают в актах фразеомобразующего взаимодействия языковых уровней в результате композитного структурирования концептов в более сложные когнитивные структуры – фреймы. Можно говорить о том, что «сборка» концептов во фреймы всегда предваряет возникновение фраземы. Так, фразема **мурашки бегают по коже (по спине, по телу)** у кого своим возникновением обязана не концепту «Мурашки», а целому комплексу концептных конфигураций, отображающих первопричину столь яркого психического эффекта: «ощущение», «озноб», «волнение», «страх». Ощущение озноба выражается в своеобразной реакции организма, кожей воспринимающего некий страх и волнение, которые передаются синонимической фраземой **мороз по спине дерет (продирает)** у кого. В результате этого возникает фразеомобразующий фрейм, конституентными слотами которого выступают концепты «Озноб», «Волнение» и «Страх». Процессуальный признак данного фрейма выражается синтаксическим концептом, репрезентантом которого выступает фразеомобразующая синтаксическая конструкция N1 + V + N6, предполагающая отнесенность выражаемого ощущения к субъекту и обстоятельство причины (источника данного состояния). Ср.: 1. *И если вам вдруг захочется воскресить те ощущения детства, когда читаешь книгу или смот-*

---

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2012-2013 гг. № 14.А18.21.0993.

¹ Бленды – ирреальные ситуации, когда в его сознании объединяются несколько ментальных пространств, а в языке появляются сложные гибридные образования, называемые блендами.

ришь страшный фильм, а по спине бегут табуном мурашки, и ветки деревьев за окном превращаются в пальцы, которые тянутся к стеклу, в темных углах комнаты оживают зловещие тени, и на свет выбирается тот, кто живет под кроватью – посмотрите со своими детишками пару серий «Мурашек». Дети получают массу острых ощущений, а вы – вдоволь забавных и позитивных эмоций (Анонс фильма). 2. Он точно знал, что запер двери... Но шаги слышались все явственнее и ближе. Авдеева **мороз пробрал по спине**. Ему казалось, что сердце бьется почти в горле, а стук его слышен на весь мир (И. Мангашев. У черной черты). В настоящее время можно считать доказанным, что, поскольку когнитивная метафора (а) носит системный характер, (б) она позволяет осмыслить одни концепты с опорой на другие; (в) что, в свою очередь, открывает путь к сопряжению концептов, отстоящих сколь угодно далеко от исходных. Выделенные свойства когнитивной метафоры делают ее фразеомобразующим средством, поскольку она дает возможность увидеть какой-либо предмет (идею) в свете другого предмета (идеи). Это позволяет применять знание и опыт, приобретенные в одной области, для осмысления явлений другой сферы (Минский, 1988: 291). Иными словами, когнитивная метафора обеспечивает концептуализацию неизученного объекта по аналогии с уже сложившейся в данной этнокультуре системой представлений.

По своей изначальной функции когнитивная метафора отличается от языковой, воплощающей лишь риторические зигзаги вторичной номинации. Когнитивная метафора – это механизм, позволяющий новую мысль (сферу) представлять через другую, известную мысль (сферу), другими словами, это способ думать об одной содержательной области посредством понятий о другой области, уже освоенной человеком. Для характеристики такой единицы лингвисты используют термин «когнитивная метафора» (Н. Д. Арутюнова), «концептуальная метафора» (В. Н. Телия, Е. О. Опарина), «базисная метафора» (Дж. Лакофф, М. Джонсон), «метафорическая модель» (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, А. Н. Чудинов, Н. А. Илюхина), «образ-схема» (Дж. Лакофф), «модель регулярной многозначности» (Ю. Д. Апресян), «метафорическое поле» (Г. Н. Скляревская), «образная парадигма» (Н. В. Павлович), «ассоциативно-образное лексико-семантическое поле» (Е. А. Юрина). Когнитивная метафора настолько важна для человека, что Дж. Джейнс связывал эволюцию сознания вообще со способностью к метафоризации. Дело в том, что абстрактные когнитивные структуры формируются путем конкретных метафорических переносов (Jaunes, 1976: 50). Вот почему сложно переоценить значимость метафорического мышления. Оказывается, без него мы были бы лишены абстрактного, оторванного от конкретной предметности мировосприятия. А без него невозможно фразеомобразование. Разделяя эту точку зрения, Дж. Лакофф заключает: «локус метафоры – в мысли, а не в языке» (Лакофф, 2004: 203). Точнее, в этнокультурном сознании, управляющем (в сопряжении долговременной памяти и лингвокреативного мышления) механизмами косвенной номинации. Исходя из этого, можно утверждать, что, метафора – это основной способ построения глобального языкового образа мира, возникающего благодаря более объемному (более широкому и глубокому) пониманию мира на базе взаимодействия актуальной (языковой) и долговременной (культурно-исторической) памяти. Поскольку культурно-историческую память представляют не только языковые знаки, но и ментальные образования, когнитивная метафора, порождающая фраземы, служит языковым воплощением мировосприятия и миропонимания народа. В связи с этим когнитивная метафора является феноменом фразеомобразующего взаимодействия языка, мышления и культуры. Существует несколько когнитивно-метафорических кластеров фраземосемиозиса: архетипичный, ориентационный, сенсорно-перцептивный, антропоцентрический, ситуативно-событийный. Все они обнаруживаются в ранее приводимых примерах.

1. Архетипичный кластер, который формирует смысловой остов фраземопорождающих метафор. Архетипичные когнитивные метафоры формируют многие фразеологические смыслы, которые хранятся на уровне нашего подсознания. Фразеомобразующей доминантой в данном кластере является взаимодействие когнитивно-семантического и лексического уровней.

2. Ориентационный кластер проецирует (в пространстве и времени) семантическую специфику фразем. В свете концепции акад. Ю. С. Степанова о трехмерном пространстве языка (Степанов, 1995) мы рассматриваем когнитивную метафору в качестве важного фактора фразеологического представления трехмерного пространства мира.

имеющего три однородных измерения – высоту, ширину и длину. Иными словами, трехмерное пространство описывается тремя единичными ортогональными векторами. Пространство является формой существования, упорядочения мира. Понимание трехмерного пространства людьми, как утверждают специалисты, развивается еще в младенчестве, и тесно связано с координацией движений человека. Визуальная способность воспринимать окружающий мир органами чувств в трех измерениях называется глубиной восприятия. Осознаваемый мир – это мир наших представлений и образов памяти. Он также трехмерен, как и видимый мир. Кстати, себя мы тоже воспринимаем как один из объектов, заполняющих этот видимый мир. Это свойство нашего мировосприятия отражается на антропоцентричности фраземики, где исходной точкой измерения трехмерного пространства служит сам человек.

Антропоцентрический характер мировосприятия непосредственно связан с языком, в частности с единицами косвенной номинации. Дело в том, что восприятие мира – это взаимопереход образа восприятия в образ сознания. Уточним: взаимопереход конкретного образа восприятия в абстрагированный образ сознания, что предполагает его непрямую (вторичную и косвенно-производную) вербализацию с помощью словесных метафор и фразем. Базовым источником знаний, составляющих концептуальные домены фразеомообразования, является опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, причем первичным здесь является предметно-деятельностный опыт, организующий категоризацию действительности в виде простых когнитивных структур, качестве которых выступают даже не образы, а их схемы. В рамках этого кластера находятся фраземы, в которых добро и власть ассоциируются с верхним уровнем пространственной вертикали; явления, воспринимаемые как норма – с надземным существованием; все враждебные и пагубные явления – с подземным пространством. Преимущества фразеомообразования в том, что он позволяет фиксировать не только местонахождение, но и процессы, происходящие в трехмерном пространстве. А это предполагает использование четвертого измерения этноязыкового континуума фразеомообразующего дискурса, которым является время. Таким образом, лингвокогнитивный эффект не прямой вербализации состоит в моделировании четырехмерного пространства: трех пространственных периметра (высоты, ширины и длины) и временного. Можно сказать, что ориентационный кластер имеет хронотопную направленность. Фразеомообразующей доминантой в данном кластере является взаимодействие лексического и синтаксического уровней.

3. Сенсорно-перцептивный кластер (эмоции, увлечение, негатив, равнодушие) имплицитно фразеологическую коннотацию. Что-либо понять, – пишет Джулиан Джейнс, – значит найти хорошую метафору, подобрать хорошо знакомый и связанный с нашими сенсорными ощущениями образ для осмысления неизвестного и малопонятного (Jaunes, 1976). Фразеомообразующей доминантой в данном кластере является взаимодействие единиц лексического уровня с ментальными структурами.

4. Антропоцентрический кластер когнитивных метафор обуславливает оценочно-прагматический фон фразем. Он объединяет когнитивные метафоры, связанные с приданием окружающим явлениям свойств и признаков человеческого естества, в результате которого возникают фраземы путем олицетворения. Фразеомообразующей доминантой в данном кластере является взаимодействие единиц лексических единиц на уровне прямой и косвенной номинации. В настоящее время никто уже не рискнет оспаривать идею антропоцентричности идиоматики, которая предлагает в качестве естественной точки отсчета фигуру самого человека, являющегося «наблюдателем» события и пропускающим его через призму собственного восприятия. Наличие центра-человека фиксируется во множестве фразеологических значений.

5. Ситуативно-событийный кластер предопределяет структурно-синтаксическую архитектуру той или иной фраземы. Метафорическая проекция денотативной ситуации фраземы осуществляется не только путем выражения относительности между отдельными элементами концептов, но и между целыми структурами концептуальных доменов. В рамках ситуативно-событийного кластера формируется импликационный потенциал фразеомообразующих концептов, их способность обретать дискурсивный ореол и коммуникативно-прагматическую энергетiku. Фразеомообразующей доминантой в данном кластере является взаимодействие единиц лексического и грамматических уровней (морфологии и синтаксиса).

ришь страшный фильм, а по спине бегут табуном мурашки, и ветки деревьев за окном превращаются в пальцы, которые тянутся к стеклу, в темных углах комнаты оживают злоеющие тени, и на свет выбирается тот, кто живет под кроватью – посмотрите со своими детишками пару серий «Мурашек». Дети получают массу острых ощущений, а вы – вдоволь забавных и позитивных эмоций (Анонс фильма). 2. Он точно знал, что запер двери... Но шаги слышались все явственнее и ближе. Авдеева **мороз пробрал по спине**. Ему казалось, что сердце бьется почти в горле, а стук его слышен на весь мир (И. Мангашев. У черной черты). В настоящее время можно считать доказанным, что, поскольку когнитивная метафора (а) носит системный характер, (б) она позволяет осмыслить одни концепты с опорой на другие; (в) что, в свою очередь, открывает путь к сопряжению концептов, отстоящих сколь угодно далеко от исходных. Выделенные свойства когнитивной метафоры делают ее фразеомообразующим средством, поскольку она дает возможность увидеть какой-либо предмет (идею) в свете другого предмета (идеи). Это позволяет применять знание и опыт, приобретенные в одной области, для осмысления явлений другой сферы (Минский, 1988: 291). Иными словами, когнитивная метафора обеспечивает концептуализацию неизученного объекта по аналогии с уже сложившейся в данной этнокультуре системой представлений.

По своей изначальной функции когнитивная метафора отличается от языковой, воплощающей лишь риторические зигзаги вторичной номинации. Когнитивная метафора – это механизм, позволяющий новую мысль (сферу) представлять через другую, известную мысль (сферу), другими словами, это способ думать об одной содержательной области посредством понятий о другой области, уже освоенной человеком. Для характеристики такой единицы лингвисты используют термин «когнитивная метафора» (Н. Д. Арутюнова), «концептуальная метафора» (В. Н. Телия, Е. О. Опарина), «базисная метафора» (Дж. Лакофф, М. Джонсон), «метафорическая модель» (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, А. Н. Чудинов, Н. А. Илюхина), «образ-схема» (Дж. Лакофф), «модель регулярной многозначности» (Ю. Д. Апресян), «метафорическое поле» (Г. Н. Склярская), «образная парадигма» (Н. В. Павлович), «ассоциативно-образное лексико-семантическое поле» (Е. А. Юрина). Когнитивная метафора настолько важна для человека, что Дж. Джейнс связывал эволюцию сознания вообще со способностью к метафоризации. Дело в том, что абстрактные когнитивные структуры формируются путем конкретных метафорических переносов (Jaynes, 1976: 50). Вот почему сложно переоценить значимость метафорического мышления. Оказывается, без него мы были бы лишены абстрактного, оторванного от конкретной предметности мировосприятия. А без него невозможно фразеомообразование. Разделяя эту точку зрения, Дж. Лакофф заключает: «локус метафоры – в мысли, а не в языке» (Лакофф, 2004: 203). Точнее, в этнокультурном сознании, управляющем (в сопряжении долговременной памяти и лингвокреативного мышления) механизмами косвенной номинации. Исходя из этого, можно утверждать, что, метафора – это основной способ построения глобального языкового образа мира, возникающего благодаря более объемному (более широкому и глубокому) пониманию мира на базе взаимодействия актуальной (языковой) и долговременной (культурно-исторической) памяти. Поскольку культурно-историческую память представляют не только языковые знаки, но и ментальные образования, когнитивная метафора, порождая фраземы, служит языковым воплощением мировосприятия и миропонимания народа. В связи с этим когнитивная метафора является феноменом фразеомообразующего взаимодействия языка, мышления и культуры. Существует несколько когнитивно-метафорических кластеров фраземосемиозиса: архетипичный, ориентационный, сенсорно-перцептивный, антропоцентрический, ситуативно-событийный. Все они обнаруживаются в ранее приводимых примерах.

1. Архетипичный кластер, который формирует смысловой остов фраземопорождающих метафор. Архетипичные когнитивные метафоры формируют многие фразеологические смыслы, которые хранятся на уровне нашего подсознания. Фразеомообразующей доминантой в данном кластере является взаимодействие когнитивно-семантического и лексического уровней.

2. Ориентационный кластер проецирует (в пространстве и времени) семантическую специфику фразем. В свете концепции акад. Ю. С. Степанова о трехмерном пространстве языка (Степанов, 1995) мы рассматриваем когнитивную метафору в качестве важного фактора фразеологического представления трехмерного пространства мира.

имеющего три однородных измерения – высоту, ширину и длину. Иными словами, трехмерное пространство описывается тремя единичными ортогональными векторами. Пространство является формой существования, упорядочения мира. Понимание трехмерного пространства людьми, как утверждают специалисты, развивается еще в младенчестве, и тесно связано с координацией движений человека. Визуальная способность воспринимать окружающий мир органами чувств в трех измерениях называется глубиной восприятия. Осознаваемый мир – это мир наших представлений и образов памяти. Он также трехмерен, как и видимый мир. Кстати, себя мы тоже воспринимаем как один из объектов, заполняющих этот видимый мир. Это свойство нашего мировосприятия отражается на антропоцентричности фраземики, где исходной точкой измерения трехмерного пространства служит сам человек.

Антропоцентрический характер мировосприятия непосредственно связан с языком, в частности с единицами косвенной номинации. Дело в том, что восприятие мира – это взаимопереход образа восприятия в образ сознания. Уточним: взаимопереход конкретного образа восприятия в абстрагированный образ сознания, что предполагает его непрямую (вторичную и косвенно-производную) вербализацию с помощью словесных метафор и фразем. Базовым источником знаний, составляющих концептуальные домены фразеомообразования, является опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, причем первичным здесь является предметно-деятельностный опыт, организующий категоризацию действительности в виде простых когнитивных структур, качестве которых выступают даже не образы, а их схемы. В рамках этого кластера находятся фраземы, в которых добро и власть ассоциируются с верхним уровнем пространственной вертикали; явления, воспринимаемые как норма – с надземным существованием; все враждебные и пагубные явления – с подземным пространством. Преимущества фразеомообразования в том, что он позволяет фиксировать не только местонахождение, но и процессы, происходящие в трехмерном пространстве. А это предполагает использование четвертого измерения этноязыкового континуума фразеомообразующего дискурса, которым является время. Таким образом, лингвокогнитивный эффект не прямой вербализации состоит в моделировании четырехмерного пространства: трех пространственных периметра (высоты, ширины и длины) и временного. Можно сказать, что ориентационный кластер имеет хронотопную направленность. Фразеомообразующей доминантой в данном кластере является взаимодействие лексического и синтаксического уровней.

3. Сенсорно-перцептивный кластер (эмоции, увлечение, негатив, равнодушие) имплицитно фразеологическую коннотацию. Что-либо понять, – пишет Джулиан Джейнс, – значит найти хорошую метафору, подобрать хорошо знакомый и связанный с нашими сенсорными ощущениями образ для осмысления неизвестного и малопонятного (Jaynes, 1976). Фразеомообразующей доминантой в данном кластере является взаимодействие единиц лексического уровня с ментальными структурами.

4. Антропоцентрический кластер когнитивных метафор обуславливает оценочно-прагматический фон фразем. Он объединяет когнитивные метафоры, связанные с приданием окружающим явлениям свойств и признаков человеческого естества, в результате которого возникают фраземы путем олицетворения. Фразеомообразующей доминантой в данном кластере является взаимодействие единиц лексических единиц на уровне прямой и косвенной номинации. В настоящее время никто уже не рискнет оспаривать идею антропоцентричности идиоматики, которая предлагает в качестве естественной точки отсчета фигуру самого человека, являющегося «наблюдателем» события и пропускающим его через призму собственного восприятия. Наличие центра-человека фиксируется во множестве фразеологических значений.

5. Ситуативно-событийный кластер предопределяет структурно-синтаксическую архитектуру той или иной фраземы. Метафорическая проекция денотативной ситуации фраземы осуществляется не только путем выражения релятивности между отдельными элементами концептов, но и между целыми структурами концептуальных доменов. В рамках ситуативно-событийного кластера формируется импликационный потенциал фразеомообразующих концептов, их способность обретать дискурсивный ореол и коммуникативно-прагматическую энергетику. Фразеомообразующей доминантой в данном кластере является взаимодействие единиц лексического и грамматических уровней (морфологии и синтаксиса).

Иными словами, когнитивная метафора обеспечивает концептуализацию неизученного объекта по аналогии с уже сложившимися кластерными системами. Когнитивная метафора позволяет осмыслить фразеосемиозис как взаимодействие одних концептов с другими, служащими эталонами восприятия стереотипной ситуации. Если развить мысль М. Минского, то фразеосемиозис, основанный на когнитивной метафоре, «дает нам возможность увидеть какой-либо предмет или идею как бы в свете другого предмета или идеи, что позволяет применить знание и опыт, приобретенный в одной области, для решения проблемы в другой области» (Минский, 1988: 291-292). При этом в синергетическом эпицентре фразеобразующего взаимодействия оказываются психологическая энергия образа, смыслопорождающая природа метафоры и функциональный потенциал символа. Фразеологический образ не тождествен чувственно-предметному образу его прототипа: первый можно «увидеть» только внутренним взором, второй – отражением в нашем сознании реальных предметов фразеобразующего дискурса.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 288 с.
- Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.
- Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
- Минский, М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / М. Минский // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – С. 281-309.
- Ортега-и-Гассет, Х. Дегуманизация искусства / Х. Ортега-и-Гассет // Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. – С. 243.
- Степанов, Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю. С. Степанов. – М.: Наука, 1985. – 332 с.
- Теория метафоры / Сост. Н. Д. Арутюнова. – М.: Прогресс, 1990.
- Jaynes, J. The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind / J. Jaynes. – Houghton Mifflin Company, 1976.

Summary. The authors emphasize sense-producing nature of cognitive metaphor and its importance in the verbalization of different mental structures. The article deals with cognitive metaphor as the basis for idioms in the complex interaction of thinking, language and culture.

Арсентьева Е. Ф., Семушина Е. Ю.

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ РАСШИРЕННОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В СВЕТЕ КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ

Россия, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет
elenaarsentiewa@mail.ru

Целью данного исследования является рассмотрение основных когнитивных моделей, которые используются носителями русского и английского языка при создании расширенной фразеологической метафоры. Актуальность исследования заключается в том, что именно при создании окказиональных лингвистических единиц особенно ярко проявляются метафоричность мышления, развертывание когнитивной модели представляет особый интерес. Новизна исследования представлена в анализе когнитивных моделей, используемых носителями двух разнотипных языков при поиске соответствий окказиональной расширенной фразеологической метафоры.

Метафоричность мышления в свете когнитивной теории активно исследуется на современном этапе развития языкознания. В основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний сферы-источника и сферы-мишени. Сфера-мишень, которая и составляет сущность когнитивного потенциала метафоры, формируется на основе опыта взаимодействия индивидуума с окружающим миром (Кубрякова, 1997). Кроме того, метафора является неотъемлемой частью культурного наследия носителей того или иного языка (Лакофф Дж., 2004). Иными словами, ряд фреймов являются врожденными, возникая в процессе познания мира каждым человеком (Рябов, 2009), другие усваиваются в момент приобретения опыта, третьи же основываются на знании конкретного языкового коллектива.